

К истории изучения «пещерных городов» Таврики: А. С. Уваров и его неизданный очерк об археологических памятниках Горного Крыма

Юрий МОГАРИЧЕВ (*Симферополь*)

Д. и. н., профессор, Крымский республиканский институт постдипломного педагогического образования, зав. каф., togara@rambler.ru

В 1848 г. Северное Причерноморье по заданию Комиссии Петербургского археолого-нумизматического общества посетил тогда еще молодой ученый А. С. Уваров. Эта поездка осуществлялась в рамках масштабного проекта «Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря». Впоследствии, по результатам экспедиции было опубликовано два выпуска трудов: Т. I. СПб., 1851; Т. II. СПб., 1856. Так же был издан том «Собрание карт и рисунков к исследованиям древностей Южной России и берегов Черного моря». (СПб., 1853). В указанных публикациях А. С. Уваров представил в основном обзор античных приморских памятников. Но им намечался также научный очерк об археологических объектах Горного Крыма, который должен было войти в третий выпуск (Гл. 4–7) и стать частью четвертой главы «От Днепра до Таврических гор». Однако данный труд остался незавершенным и, соответственно, не был опубликован. Рукопись ныне храниться в Отделе письменных источников Государственного исторического музея (г. Москва) (Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 196). Раздел «Жители Таврических гор», составной частью которого является описание «пещерных городов», помещен на л. 180б–84. Описание выполнено на листах формата А3, черными чернилами и содержит многочисленные авторские правки, зачеркивания в тексте, пропуски. То есть, перед нами рабочий вариант рукописи. В сочинении имеется много ремарок, написанных красными чернилами, предполагавшими, в дальнейшем, вставку текста. В основном это касается описания отдельных объектов на «пещерных городах».

В рукописи содержится только один завершенный, чистовой раздел, который посвящен проблеме происхождения крымских пещерных сооружений. Эта часть переписана набело и, вероятно, судя по почерку, не самим А. С. Уваровым. При этом, сохранился и черновой, авторский текст.

Внимание А. С. Уварова привлекли следующие памятники: Бакла, Успенский монастырь, Чуфут-кале, Тепе-кермен, Качи-кальон, Сьюйреньская крепость и монастырь Чилтер-коба, Мангуп, Эски-кермен, Инкерман. Кроме «традиционных» «пещерных городов» в обзор попали Неаполь Скифский (Керменчик), на некрополе которого в середине XIX в. были известны скальные склепы, в том числе и с сохранившейся росписью, Бахчисарай и объекты Салачика.

Интерес А.С. Уварова к «пещерным городам» не случаен. Алексей Сергеевич был первопроходцем их археологического изучения. В сентябре 1853 г. графом были проведены небольшие раскопки на Мангупе. Им также планировалось археологическое исследование Чуфут-кале.

Известно, что по поручению А. С. Уварова, сопровождавшим его художником М. Вебелем, был сделан ряд рисунков памятников, составивших так называемый «Неизданный альбом А. С. Уварова». На их основе И. Медведев впоследствии изготовил гравюры.

Касательно уваровской гипотезы о происхождении скальной архитектуры Горного Юго-Западного Крыма, то, несомненно, исследователь, в значительной степени, ориентировался на труд Ф. Дюбуа де Монпере (*Voyage autour du Caucase, ches les Tcherkessus et les Abhkases, en Colchida en Georgie en Armenia et en Crimée*, VI. Paris. 1843). Граф внимательно штудировал и «Крымский сборник» (О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. Крымский сборник. СПб. 1837) П. И. Кеппена. Большинство приводимых им сведений, скорее всего, подчеркнуты непосредственно именно из данных произведений. Однако при составлении своей работы А. С. Уваров все же лично ознакомился с произведениями упоминаемых им древних и современных ему авторов. Например, его цитаты из библейских пророков Иереми и Авдия более полны, нежели имеющиеся в труде Ф. Дюбуа де Монпере. Это же можно сказать и при анализе информации, первоисточником которой выступает Страбон.

Рассуждая о генезисе скальной архитектуры Крыма, исследователь, в целом, следует в русле гипотезы Ф. Дюбуа де Монпере. Он приписывает таврические пещеры народам, «которые, по словам древних писателей, населяли гористую часть Тавриды и по преимуществу самые вершины гор. А эти народы были Тавро-Скифы». Однако налицо и различия. У Дюбуа версия более логичная и исторически достоверная. Создатели крымских пещер — тавры. Теснимые сарматами, скифы около 380 г. до н. э. продвинулись в горы и заняли укрепления тавров. В результате оба народа смешались, соответственно соединились и их названия. Появились тавроскифы. Как нам представляется, а это следует из текста рукописи, у А. С. Уварова в отношении тавров и тавроскифов присутствует определенная путаница. По крайней мере, он эти названия считает идентичными. По мнению А. С. Уварова, тавроскифский период предшествовал скифскому. Скорее всего это объясняется тем, что, как пишет сам граф, он сознательно ушел от анализа сведений античных авторов о таврах и тавроскифах.

Ряд наблюдений А. С. Уварова, сделанных им при описании отдельных «пещерных городов», представляют несомненный научный интерес. Так, например, ему принадлежит первое в историографии описание пещерного храма Южного монастыря Мангупа (очевидно, монастырь

следует датировать первой половиной XV в., возможно, он являлся семейной усыпальницей княжеской династии Феодоро) и его фресковых росписей. Граф видел изображения в гораздо лучшем состоянии, чем последующие исследователи. Соответственно, его впечатления о них фактически являются первоисточником и позволяют подтвердить или скорректировать современные представления о характере фресок храма Южного монастыря. В частности, исследователь видел среди образов изображения свв. Константина и Елены. Это может быть серьезным аргументом в пользу версии, что среди фресковых росписей церкви Южного монастыря действительно имеются изображения указанного святого византийского императора и его матери.

Отметим, гипотеза А. С. Уварова о возведении первоначальных фортификационных сооружений Мангупа в эпоху Юстиниана I соответствует современным научным представлениям.

А. С. Уваров к рукописи прилагает копию плана Мангупа из работы Ф. Дюбуа де Монпере, на котором он и основывается. Отметим, план Дюбуа не совсем точный и, поэтому, менее соответствует реалиям, чем более ранний план городища, опубликованный П. И. Кеппенем. Так швейцарский путешественник полагал, что балка Гамам-дере это не отдельный овраг, а небольшое ответвление от Табана-дере. Соответственно, Чуфут-чарган-бурун представлялся ему гораздо меньшим, чем остальные мысы.

Эски-керменский сюжет состоит из двух частей: краткого очерка истории городища и подробного обзора так называемого храма «Трех всадников». А. С. Уваров подчеркивал природную защищенность Эски-кермена и относил возведение его оборонительных стен к одному периоду с мангупскими: крепость была возведена мангупскими князьями, при этом жили там синды. В данном случае автор имел в виду не правителей Феодоро (XIV—XV вв.), которых в историографии, в том числе и современной, традиционно именуют мангупскими князьями, а владельцев Мангупа эпохи раннего средневековья. Таким образом, точка зрения А. С. Уварова о времени возведения крепости на Эски-керменском плато, достаточно близка к представлениям современных исследователей о начальной хронологии фортификационной системы этого городища.

Развернутое описание фрески церкви «Трех всадников», составленное А. С. Уваровым, является первым в историографии. Поэтому оно и авторская интерпретация сюжетной композиции представляют несомненный, не только историографический, но и практический, интерес. Ведь, кроме того, что А. С. Уваров, подробно охарактеризовал фреску, сопровождавшие его художники ее зафиксировали. Естественно, что тогда еще были видны некоторые детали, которые были уже утрачены к началу

XX в. Следовательно, рассматриваемую нами работу, несомненно, можно считать первоисточником для изучения композиции фресковых росписей церкви «Трех всадников». В связи с этим обратим внимание, что уваровская интерпретация изображенных на фреске святых: Дмитрий Солунский, Георгий Победоносец, Феодор Стратилат (как вариант св. Проконий или Меркурий) практически совпадает с нашей гипотезой по данной проблеме и может считаться серьезным аргументом в пользу именно такой трактовки фресковой композиции.

В тепе-керменском очерке А. С. Уваров упоминает о фортификационных сооружениях этого городища. В данном случае мы имеем дело с историографическим казусом. Исследователь ссылается на П. И. Кеппена. Однако тот заимствовал эти сведения у М. Тунманна. Сам П. И. Кеппен подчеркивал, что явных следов укрепления он не видел, а наблюдал лишь следы построек на плато, и в одном месте сложенные четырехугольником, «как бы для стен», большие камни. Что касается Тунманна, то он писал только то, что на тепекерменской вершине есть следы «замка или крепости», но конкретно руины фортификационных сооружений не упоминал.

Особое внимание, впрочем, как и иные авторы, А. С. Уваров обратил на главную достопримечательность городища — его пещерные сооружения, число которых, он, вслед за П. И. Сумароковым, называет 150. В 1912 г. члены Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы провели ревизию внутрискальных помещений Тепе-кермена и установили, что их на городище порядка 250.

Разумеется, не обошел вниманием исследователь и культовые пещерные сооружения. Одна церковь, упоминаемая А. С. Уваровым второй, к середине XIX в. была известна и попала в различные обзоры. Это так называемая «Церковь с баптистерием». Сведения о первой церкви, ошибочно датированной графом периодом христианских гонений, позволяет сделать вывод, что именно данному исследователю принадлежит честь ее открытия. Собственно, он это и подчеркивал, называя данную церковь «моею». В настоящее время это культовое сооружение известно, как «Церковь с ризницей».

